

Ильгиз Гиматов

Гвардии пацаны

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ильгиз Гиматов

Гвардии пацаны

<https://litres.ru/73903688>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два года, проведенные ими в солдатских шинелях в рамках устава, были частью их жизни. И порой на самой грани здравого смысла и совершения преступления. В книге рассказывается об одних сутках службы солдат ракетно-технического взвода ракетной бригады.

Содержание

Устав - не догма	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Гвардии пацаны

Устав - не догма

— Скажу вам, устав, не догма Устав, а руководство к действию, — к месту и не к месту повторяет рядовой Мишка Кнутиков — водитель — крановщик нашего доблестного ракетно-технического взвода. То ли хочет показать свой интерес к навороченным рифмованным фразам, то ли он что-то слышал подобное про догму и руководство к действию. И прилепилось. И вылезает по любому случаю.

Хотя, навряд ли, Миша до конца понимает смысл того что произносит. И мы, его сослуживцы, не далеко ушли от него...

Но как звучит! Вставишь это в разговоре с теми же чмошниками из хозвода — вылупливают глаза и начинают уважать по страшной силе.

Как специалисту, Кнуту, пожалуй, нет равных во всей нашей ракетной бригаде. Можно взять и выше — во всех вооруженных силах СССР. С филигранной точностью перегружает одиннадцатиметровую дурынду — оперативно тактическую ракету с тягача на ложе стрелы пусковой установки. И обратно. Перекрывает все нормативы. И с патриотизмом у него, как надо.

На недавних летних учениях замполит Сытников на дивизи-

зионных политзанятиях сказал, что мы должны быть готовы в любой момент выполнить свой интернациональный долг - оказать помощь героическому братскому вьетнамскому народу, который бьется с американскими империалистами.

Миша первый откликнулся на пламенный призыв. Пока мы шепотком рассуждали, что означает интернациональный долг – про карточный долг все знают - дело святое, Кнутиков выкрикнул с места:

– Мне по хрен, где воевать, лишь бы жрать во время давали... Хоть отоспимся на кораблях до Вьетнама. Может и фронтовые сто грамм будут. С устатку... Скажу вам устав, не догма Устав...

– Стоп! – закричал замполит. – Молчать, боец! Мы все уже слышали эту твою хрень. Про устав не верно! Уста - закон солдатской жизни. Выполняй его и ни о чем не думай. Там все расписано. За вас думают отцы - командиры. Но в целом ваш позитивный настрой, гвардии рядовой Кнутиков, мне нравится. Думаю, ваши товарищи его разделяют.

– Нет базара, – ответил за всех рядовой Кузнецов обладатель пудовых кулаков.

Все молча согласились. Где мы, где этот героический Вьетнам... Авось, без нас там разберутся. Двое дерутся – третий не лезь. Народная мудрость. Эти двое могут скарифаниться и насовать в рыло тому, кто влез между ними ...

При всех названных положительных моментах, характер у Кнутикова - не дай боже... Задира упертый. И себе на уме.

При этом физически очень сильный парень. Жилистый. Весь перевитый мускулами. На одной руке солнышко крутит на турнике. За что уважаем всеми гвардии пацанами дивизиона.

– А что такое догма? – спросил робко святая простота Шурик Колобов, первый раз услышав знаменитую поговорку Кнутикова.

Колобов белобрысый нескладный неуклюжий недотепа из какого-то глухого удмуртского села захолустного уголка Пермского края.

Это он в наших глазах такой нескладный и неуклюжий. Мы сами такими же совсем недавно были для тех, кто уже послужил. Он из весеннего призыва одна тысяча девятьсот семьдесят второго года. Только - только присягу принял. Находится в категории ЗГГ – зеленее гусяного говна. Мы так ждали его! Весь наш ракетно-технический взвод ездит на нем. По мелочам конечно. И это нормально. Все в той или иной степени проходили через это. Главное – чтобы без унижений. А то, что Шурик лишний раз старательно протрет мастикой пол в казарме в расположении нашего взвода или бдительно постоит на стреме в автопарке пока его старшие боевые товарищи, утомленные тяготами и лишениями воинской службы под жарким южным солнцем, кемарят в кабинках и кузовах вверенной им боевой техники, ничего зазорного нет.

Все идет на пользу молодому. Парень стремительно развивается. Вот уже догмой интересуется.

– Ну, как понятно твоей бестолковке объяснить?.. - узкое, остроносое лицо Кнутикова еще более удлинняется вперед. – Догма это... Вот, например, я скажу: Шурик почисти-ка по дружбе мои сапоги кирзовые. Ты чистишь, стараешься с уважением ко мне. А завтра и послезавтра, - Мишка назидательно водит указательным пальцем перед носом Колобова. – Ты уже сам без моего упоминания чистишь мои сапоги. Секешь?

Колобок застенчиво улыбается. Как девчонка, которую первый раз в жизни жмут и щупают.

– Не борзей! – говорю я Кнутикову. На лице у него выступают желваки. Поднимается и всем видом показывает, что пойдет крутить солнце на турнике. Он так успокаивает нервы. Но на этот раз медлит. Размышляет усиленно, как отреагировать на мое не уважительное «не борзей» во время его нравоучительной беседы с молодым.

Он умеет крутить солнце, а у меня за спиной пять лет серьезных занятий классической борьбой.

Он, похоже, набрался кое - чего в полублатной толкотне в подъездах и уличных драках, когда толпой на одного.

И мне приходилось махать на улице... Но чаще один на один, или толпа на толпу...

Оба мы осенью отметим полтора года службы. И на рав-

ных можем претендовать на заслуженное уважение со стороны сослуживцев. Но у меня учебка и сержантские лычки на погонах. А у него погоны чистые и, как он говорит, потому совесть чистая. В чем иногда можно сомневаться.

Последнее относится и ко мне. Возможно. Не видел и не вижу ангелов в своей жизни. Даже, когда смотрюсь в зеркало.

Кнутиков, прищулив левый глаз, правым сверлит меня. Словно целится из снайперской винтовки.

Я тоже навожу на него свой внутренний гиперболоид инженера Гарина.

Взвод наблюдает. Кто-то, из «стариков», безразлично вроде, валяется на кровати, кто-то из более молодых подшивает свежий подворотничок, кто-то сидит на табуретке, опираясь на никелированную дугу кровати спинки. Но все навести локации ушей, поглядывают боковым зрением и ждут, чем дело кончится.

Ловлю себя на мысли: мы здесь, как молодые псы – до волков далековато – собранные не по своей воле в стаю. Идет постоянная незримая или явная грызня-возня за первенство. Ну и что, что хозяин назначил кого-то вожаком... Надо быть им. Не по должности, не по назначению, а по признанию стаи.

- Да, ладно, пацаны... - Кнутиков примирительно улыбается, а в глазах не гаснут злые искорки. – Скажете тоже... Кому я доверю свои любимые говнодавы... Размечтались.

.

Сегодня у нас почти праздник. Заступаем в караул. Будем охранять где-то далеко за городом какие-то секретные склады стратегического назначения. Целые сутки будем охранять. Никто из нас не знает, что там, в опечатанных складах. То ли настоящие оперативно – тактические ракеты или боевые головки к ним – нас - то дрючат чуть ли не каждый день с учебной ракетой и головкой-болванкой, заполненной песком - то ли солдатские портянки и кальсоны на случай всеобщей мобилизации боеспособного мужского населения ... Да и знать нам этого не надо. Как тут, как Кнутиков, не скажешь: «Нам по хер...». Главное для нас – целые сутки свободы от казармы. Мы уже от одной мысли об этом тащимся.

Мы – это тринадцать пацанов из ракетно-технического взвода третьего ракетного дивизиона отдельной гвардейской многочисленных боевых орденов ракетной бригады. Будучи еще артиллеристской, она громила фрицев на фронтах Великой Отечественной...

Наверное, в то время в ее составе были такие же, как мы, пацаны. Если что, мы, конечно тоже... Но сегодня – а это не самый плохой вариант – мы не воюем, а готовимся к войне.

А в данный конкретный момент валяемся в кроватях самый наглым образом посреди белого дня. После обеда, у нас, как бы, тихий час. Потому что в ночь идем в караул! Вот такие мы универсальные солдаты. На все руки от скуки. Можем и ракетой пухнуть, куда прикажет Родина и богатства ее покараулить. А перед этим делом по Уставу положен от-

дых солдату.

Тут вот с Уставом у нас полное согласие. Хорошо бы прописать в нем, как это осуществить... Дневальные шныряют по огромной общей казарме дивизиона туда – сюда. Гремят ведрами, шуршат вениками, шмякают швабрами – готовятся к сдаче дежурства. С момента заступления в наряд готовятся к сдаче и находятся в бесконечном процессе уборки и наведения порядка.

Тут еще батарейцы возвращаются из автопарка. Гогочут, умываются, подкалывают друг друга. И орут нарочито громко:

– Ша, гвардия! Технари почивают перед караулом!

И встречают это сообщение общим хохотом. Кто-то еще добавит:

– И так не хрена не делают... Измажут морды и руки мазутой и кемарят по кабинам. Спите с миром, братцы! Родина вас не забудет!

И опять – ржут.

Ладно, мы тоже вас не забудем. Запомним. И припомним.

Заставим уважать, когда начнется подготовка к очередному техосмотру. Краску и растворитель через нас будете получать. Забыли? Побегаете белоручки, белоножки и белоснежки. Поимеем вас по полной программе.

Да и кто вы без нашего ракетно-технического взвода? Кто вам ракету подвезет, перегрузит ее на ваш сраный пускач, прикрутит боеголовку, заправит воздухом сжатым и окисли-

телем - горючкой?..

Делов-то вам остается после этого - рассчитать траекторию, задать программу и нажать на кнопочку...

Тоже, бляха муха, белая кость...

Такие мысли лениво месятся в голове. Не со зла, конечно. Все мы, и батарейцы, и подразделения боевого обеспечения, знаем, если накроют враги снарядами и бомбами нас, а они очень будут стараться это сделать, то всем нам одновременно будет кирдык. Все мы потенциальные смертники. Главное об этом не думать. Если успеем запустить хотя бы одну свою одиннадцатиметровую дурынду, значит все не зря... Особенно ежели с атомной начинкой. Офицеры говорили: попадание пятьсот метров от цели – отличная оценка.

.

Кто важнее в нашем деле спорим каждый день. Бодаемся, как козлята. Точку в споре на учениях ставит обычно невозмутимый заместитель командира хозяйственного взвода сержант Шлимас. Поправит белый колпак на голове и с прибалтийской неторопливостью заявит:

– Натощак не повоюешь! Кто со мною не согласен - тому хрен собачачий, а не гуляш свинячий... Тот за добавкой и не подходит.

Соглашаемся. А куда деваться? На учениях солдату без добавки никак.

.

В восемнадцать ноль-ноль бригадное благословение на ратный подвиг - развод караулов: внутреннего в автопарк и основного внешнего на охрану складов, куда мы и заступаем.

Все, пацаны. Пора собираться. Еще надо похавать и взять сухпай на сутки.

Во, блин, дает! Рядовой Кузин храпит. Кабан! Спит всегда и везде при любой возможности. В остальное время пребывает в полудреме. Если только не жует и не говорит о бабах. Руки - домкраты. Морда – мечта снайпера.

Давненько мы не были в карауле. В общем – то, дело знакомое и не такое уж сложное при правильном настрое.

Четыре поста. На каждый пост по очереди три солдатских рыла. Я – замначкара и разводящий в одной морде лица. Его благородие новоиспеченный командир взвода лейтенант Зябликов – начальник караула. На пару-тройку лет старше нас по возрасту. По службе – салобон. Думает, что командует нами. А мы - то знаем, это взвод обучает его воинской службе. Ненавязчиво, но конкретно.

В карауле жратву готовим сами. Из сухпая и того, что купим по дороге в складчину на свои солдатские грошки. Посещение придорожного магазинчика - это тоже ритуал и неотъемлемая часть общего нашего караульного кайфа.

Вперед, бойцы, на минные поля! Хватит мякнуть! Погна-ли наши городских!

В столовую! Хотя еще далеко до ужина. Имеем право – нам в караул.

Наезжаю на дежурного сержанта.

Пацаны стучат пустыми мисками по столу:

– Жрать, давай!

Из амбразуры кухни, едва помещаясь в нее, высовывается луноподобное, сдобное с поджаристой корочкой лицо повара ефрейтора Оганесяна:

– Эй! Слушай, да! Шашлык сегодня не будет. Барашека шюстрый бил – в горы убежал... Понимаяешь, да?

Спецом коверкает язык. Так-то он чешет на чистейшем русском, когда надо. А тут дурака включил. Развлекается. Понять можно. По двенадцать часов каждый день на кухне, с ума сойдешь. Изю дня в день одно и тоже. Изю дня в день тысяча молодых еще неудержимо растущих и бурно развивающихся организмов гвардейцев три раза в день сметают со столов твои труды и переводят их на... Сами знаете на что. Озвереешь!

Выдают большой алюминиевый чайник с горячим сладким чаем и оловянный жбан перловой каши с редкими малюсенькими кусочками сала. Кожица на сале с щетинкой.

– Хряк - то не бритый! – с детской непосредственностью смеется Кузин, не переставая при этом энергично жевать.

Чеченец Муса Махдаев пристально нюхает содержимое тарелки, хотя ему постарались положить кашу без сала, на-

сколько это было возможно. Забраковал. Отодвигает тарелку. Налегает на хлеб и чай.

Кнутиков тоже отталкивает свою тарелку. Но она у него уже пустая. Сыто отрывает. Ну, сейчас что-нибудь ляпнет для поднятия аппетита у других. Ляпает:

– Ешьте сами с волосами!

Ничего, съели. Жбан пуст. Чайник тоже. Хлеба на столе не осталось ни кусочка.

Привет Оганесяну! Передайте ему: бывает и хуже. Его не видно в амбразуре. Наверное, барашка того, шустрого, ловит.

Командую:

– Взвод! Выходи строиться!

.

Бегом в курилку. Друженько траванулись табачком и рысью в оружейку.

Автоматы родненькие на плечи. Штык – ножи на ремни. Пустые автоматные магазины в подсумки. Железный тяжелый ящик с патронами в руки. Колобову. На ящике блямба пластилиновая, раздавленная расплывчатой печатью. И амбарный замок явно дореволюционнойковки. Ключ – начкару. Он вооружается пистолетом. Две обоймы с патронами сует в карман.

.

Короткий, но нудный развод караулов.

На площадке перед КПП парятся ребяташки из первого

дивизиона. Они заступают во внутренний караул. Пристраиваемся к ним.

– Равняйся! Смирно!

Далеко не первой свежести потрепанный майор – дежурный по части, бесцветным голосом – бу-бу-бу, ля-ля-ля – равномерно равнодушно талдычит о бдительности и ответственности при выполнении боевой задачи. Напоминает, именно к ней, как сказано в Уставе, относится в мирное время караульная служба.

Майору по возрасту давно пора носить полковничьи погоны. Но по мятому опухшему лицу ясно, что это ему не светит. А светит ему скоро пенсия – кино, вино и домино. Ладно, не всем же быть генералами.

– Бу-бу-бу, ля-ля-ля...

Товарищ майор, блин, буквоед ты изрядный. Вот в чем твоя проблема. Попроще надо. Спроси у Кнутикова как. Он тебе популярно объяснит, про Устав...

Солнышко уже сползает за пятиэтажки, окружающие часть. А нам еще добираться и добираться...

Тридцать три богатыря из музыкального взвода напрягают упитанные одухотворенные луноподобные лица и выдувают из золотых и серебряных труб разных форм и размеров щемящую сердце «Прощание Славянки». Наловчились, пуделя декоративные, слезу выжимать...

«Не плач и не горюй, напрасно слез не лей, а крепче поцелуй, когда придем из лагерей...»

Провожают, как на войну. Традиция. Только баб рыдающих не хватает. Да и без них мурашки по телу...

Мы, тринадцать гвардейцев, во главе лейтехой, вроде строевым, шагаем мимо пожилого старого майора – дежурного по части. Говорили, он начинал солдатом в сорок третьем - наводчиком противотанковой пушки. Держит руку под козырек.

Ну - ка, пацаны, отчеканите свое уважение боевому дедушке. Тянем носок! Рубим шаг!

Понял нас майор. Сузил глаза в веселом прищуре. Помолодел лет на тридцать. На нас смотрит лихой истребитель фашистских танков.

Загрузили фляги с водой в кузов взводного зилка. Туда же рюкзаки с сухпаем – хлеб, сахар, заварка, пшенка, тушенка и еще что-то... Потом разберемся. Сто процентов наш каптер одессит Мишка Крыжовницкий это «что - то» на продскладе выцыганил или стибрил у своего земляка жуликоватого старшины – сверхсрочника, заморочив ему голову. В этом деле они, одесситы, мастера.

За рулем зила рядовой Витька Зацепов из Ростова. Год своей службы добывает. Рядом с ним на пассажирском, то бишь командирском месте, наш доблестный лейтенант Зябликов. Зябл! В новенькой полевой форме. Весь перевитый ремнями и ремешками. На поясе топорщится кобура. С боку

висит кожаный командирский планшет. Красава! И видно, что и самому себе Зябл таким нравится. Похоже, так и хочется ему закричать: за Родину! Вперед! И, обнажив пистолет, повести нас в атаку. Но уж очень худой. И очень высокий. Снайпер голову сразу отчекрыжит. И бледный. Особенно на фоне наших рож, зализанных до цыганской смуглоты солнцем Краснодарского края.

.

Командир, как и положено, впереди. Мы, солдатушки – бравы ребята, в кузове. Две откидные длинные сидухи вдоль бортов. Одна посередине. И над нами на железных ребрах выцветший брезентовый тент когда-то бывший цвета хаки.

Полог тента откинут и закреплен на крыше. Здесь у заднего борта традиционно восседают «старики» и сержант. Места трясушие, но не пыльные. И, главное, замечательный обзор открывается. В том числе и на симпатичных девушек и других «съедобных» женщин славного южного города.

Можно считать, мы сидим в первых рядах партера. И сами тоже на виду. Загорелые. Молодые и сильные. Кто бы сомневался... Мы – нет. С автоматами в руках. Оружие - ого-го! - какую уверенность дает даже не заряженное его обладателю. Вся жизнь впереди. Хорошая жизнь! Весь мир у наших ног. И нам смешно и весело от избытка молодых эмоций и чувств.

.

Две юные стройняшки в коротких до нельзя сарафанчиках – цок, цок, цок на высоких каблучках – грациозно шагают – плывут в густых медовых лучах предвечернего солнца.

Девчонки, что творите! Это же откровенный неприкрытый садизм. Так нельзя с солдатами. Сколько брома надо будет тыловикам и докторам военным в наши котлы сыпать, чтобы стереть грезы о вас. Ну, вы, блин, даете!

– Эй! – кричит бесцеремонный Мишка Кнут. – Айда, покажемся! На лыжах! – Показывает, как будет отталкиваться лыжными палками двумя руками одновременно. Очень двусмысленный жест. Не обращайтесь внимание, девчонки! Он у нас больной на эту тему. Честно сказать, мы тоже. Немного.

Девчонки, прямо сказочные феи, очень стараются не замечать огромный военный грузовик и двенадцать пар горящих глаз, двадцать четыре ряда ослепительных зубов в его кузове. Стараются. Но это не возможно, когда раздевают на ходу первобытно дикими глазами двенадцать молодых самцов. Прямо через одежду осязаемо исследуют нагло все закоулки сокровенные. А тело девичье при этом звенит сладко и становится сплошной эрогенной зоной. Это мы так думаем в своем жарком кузове.

Впереди, похоже, затор. Зилот поехал шагом.

Сквозь выхлопные газы доносятся дурманящие запахи неземных существ. Очень даже симпатичных. Особенно одна, которая ближе к обочине. Соответственно и к нам. Тить-

ки торчком вверх. Вот-вот выпрыгнут из выреза платья. Подрагивают при каждом шаге. Само собой, и ножки и все остальное радуют солдатские глаза. Аж, дух захватывает. Аж, в зобу дыханье сперло... Или как там?.. Ну, там вроде по другому поводу, сперло... Неважно. Сперло же. Почти на смерть...

.

– Если что, можно и жениться... – громко мурлычет Андрей Бакашев – сын вольных казахских степей. Его блаженные глаза совсем исчезают в тугих складках век. – Выбирайте, красавицы, любого - не пожалеете!

– А женилки – то выросли?

Двенадцать оскорбленных альфа - самцов взвыли дико и первобытно.

Рычание, свист, вой, крик. Город вздрогнул от страха.

Только железные рамки Устава и воинской дисциплины сдержали эту дикую свору. Автомобиль на всякий случай, от греха подальше, набирает скорость.

Девчонки хохочут и машут нам в след. Как старым знакомым. И глазами обещают верно ждать каждого из нас. И не сомневаемся даже! Разве бывает иначе? До возможной встречи в увольнении! Или на гражданке. Если не с вами, то обязательно с похожими на вас. Аминь!

.

После плутания по городским улицам, с многочисленными остановками на светофорах, наконец, вырываемся на опе-

ративный загородный простор. Вот уже въезжаем на автомобильный мост через Кубань. Для кого как, а для меня, выросшего на берегу речки шириной в несколько метров, Кубань очень большая река.

Не сбавляя скорости, грузовик летит по мосту.

На самой середине широкого серого потока воды наш мощный ор в двенадцать луженных горл сотрясает окрестности:

– Могучая! Кипучая! Река Кубань вонючая!

Ничего личного. Традиция. Дурацкая! И до нас по дороге в караул, говорят, орали так. И после, наверное, тоже так будут дурковать...

Возмущенная Кубань покрывается рябью.

Сразу за мостом справа на небольшой площадке у дороги присело под пирамидальными тополями неказистое белое зданье. Под толстым слоем известки не разобрать, из чего оно сложено. Но вывеска над зеленой железной дверью – «Продукты» – убеждает каждого мимо проезжающего, в данном случае нас, это то, что человеку надо. Всегда. И несколько раз в день.

Наша тачанка тормозит на обочине дороги. Клубы пыли, поднятые ею, по инерции уносятся вперед.

Вновь банкует Мишка Крыжавницкий. Славный и, никто не сомневается, честнейший наш каптер. Опять ваш выход Одесса-мама.

Крыжа серьезен и сосредоточен. Не отвлекать. В кучерявой головушке уже идут сложнейшие математические вычисления и продуктовые расклады.

– Колобов, за мной!

Выпрыгивают из кузова.

Шурик держит в руках скомканный пустой рюкзак. К объемному брезентовому мешку снизу прочно пришита лямка из такого же материала. Затяни ее на горловине мешка, вот тебе и рюкзак - котомочка. Немеряно входит провизии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.